



Эва Осэк

**«Бич Божий» Европы V века.  
Гунны по свидетельству греческого историка  
и дипломата Приска**

В последней четверти IV в. н. э. на территории Римской империи появилось дикое и жестокое племя, пришедшее из далеких азиатских степей. Вскоре его имя – гунны – все чаще и чаще начинает появляться на страницах произведений греческих и римских историков. На протяжении почти 80 лет гунны совершали опустошительные набеги на придунайские провинции, входящие в состав Восточной Римской империи. Под предводительством своего вождя Атиллы они достигли наивысшего могущества: в 447 г. н. э. гунны обложили Восточную Римскую империю чрезвычайно высокой данью, а по прошествии пяти лет после опустошения Галлии и Италии начали угрожать самому Риму. Однако Восточная Римская империя, дорогой ценой купившая мир, сумела выстоять в этом водовороте истории – великом переселении народов, начало которому положили гунны.

С этого беспокойного времени до наших дней дошло свидетельство греческого историка и дипломата Приска Панийского, который в 449 г. н. э. посетил двор царя гуннов Атиллы. Ему представилась возможность увидеть вблизи этих грозных варваров и их прославленного вождя. В своей «Истории» он собрал множество ценных сведений о местах проживания, обычаях и повседневной жизни гуннов. Стоило бы только пожалеть, что нам так немного известно о жизни столь интересного и предприимчивого человека, каким был сам Приск. Мы знаем лишь, что он происходил из Паниона (фракийского города на северном побережье Пропонтиды), жил во времена цезаря Феодосия Младшего (480-450), был учителем риторики и оратором. Был близок к констан-

тинопольским правящим кругам. Его связывала близкая дружба с такими выдающимися личностями, как Максиминос – член Императорского совета, Флорос – наместник Египта или Эуфемий – *magister officiorum* (в то время то же, что ныне премьер-министр<sup>1</sup>).

## Гунны в Европе

Гунны, которых посетил Приск в 449 г., являлись одной из ветвей могучего степного народа, занимавшего огромные пространства Азии. Их происхождение и этническая принадлежность до сих пор остается загадкой. Так же трудно однозначно указать места их первоначального расселения; мы знаем по сути только то, что они находились в Азии. В настоящей статье нас будут интересовать только так называемые европейские гунны (западная ветвь т. н. азиатских гуннов), поскольку именно о них и об их вожде Аттиле идет речь в «Истории» Приска. Не будем касаться их родичей, азиатских гуннов, часто упоминаемых в китайских источниках, но совершенно неизвестных греческим и римским историкам.

Около 375 г. н. э. гунны перешли Танаис (Дон), который в античности считался границей между Европой и Азией. Благодаря Иордану сохранилась остроготская легенда о переходе гуннов через Танаис, повторенная также рядом позднеантичных авторов<sup>2</sup>. «Однажды, – пишет Иордан, – охотники-гунны, бродившие, как обычно, в поисках дичи по своей стороне Меотских болот, вдруг увидели лань, которая входит в болото и, то двигаясь вперед, то останавливаясь, как будто показывает путь. Следуя за ней, охотники вброд перешли Меотское болото, до сих пор считавшееся морем, которое невозможно перейти» (*Getica*, 123-124). Так после форсирования Меотиды (Азовского моря) в 375 г. началась эпопея гуннов.

Когда гунны впервые появились в цивилизованной Европе (условной датой считается 375 г. н. э.), они наводили ужас уже одним своим внешним видом. Их кочевой образ жизни и обычаи вызывали недоумение. В античных источниках

---

<sup>1</sup> Н. Haussig, *Historia kultury bizantyńskiej* (przełożył T. Zabłudowski), Warszawa 1969, s. 59; Priskos, fr. 7, 8.

<sup>2</sup> Agathias, *Historiae*, VII; Sozomenus, *Historia ecclesiastica*, VI 37; Zossinus, *Historia nova*, IV 20.

говорится о безобразности и бесформенности их лиц, а также о неуклюжих неповоротливых фигурах с кривыми от верховой езды ногами<sup>3</sup>. Такая внешность гуннов – для жителей Европы уродливая, для гуннов, вероятно, бывшая идеалом красоты – являлась как плодом природы, так и результатом искусственной деформации лица. Аммиан Марцеллин, а за ним Иордан, пишут о надрезах, наносимых на лицо ребенка и призванных предотвратить возможность появления бороды, этого предмета мужской гордости. Сидоний Апполинарий упоминает об их короткой голове, что было следствием сдавливания ее в детстве<sup>4</sup>. Эти сведения полностью подтверждаются данными археологии: на черепах погребенных гуннов остались следы подобной деформации<sup>5</sup>. Ужас вызывали монголоидные черты их лиц: плоские носы, узкие глаза, приплюснутые лица, к которым европейский глаз был непривычен. Такое же неприятное впечатление произвели на жителей Европы татары в XIII в.

Итак, гунны без труда покорили множество народов, осевших на «окраинах Скифии», то есть на западном побережье Азовского моря. Увлекая за собой самые разные племена, они направились затем к Борисфену (Днепр). Там существовало могущественное королевство остготов, основанное около 200 г. н. э. германскими пришельцами из далекой Скандинавии). Ни старый король остготов Эрменрик (Германрик), ни его преемник Витимер не смогли оказать серьезного сопротивления нашествию гуннов в 375 г. н. э.

Визиготы, представляющие западную ветвь готов и занимающие территорию между Днестром и Дунаем, даже не пытались оказывать сопротивления гуннам: часть сдалась захватчикам, часть переправилась через Дунай, перейдя под крыло Восточной Римской империи (376 г. н. э.). Однако спустя два года их постиг страшный голод, и они выступили против своих защитников. В Адрианопольской битве (378 г. н. э.) визиготы нанесли сокрушительное поражение римским войскам, а сам император Валент пал на поле боя. Таким образом вытесненные с мест своего обитания готы положили начало

<sup>3</sup> Jordanes, *Getica*, 128, 255; Ammianus Marcellinus, *Res gestae*, XXXI 2.

<sup>4</sup> R. Grousset, *L'emire des steppes. Attila, Gengis-khan, Tamerlan*, 4 ed., Paris 1952, з. 119.

<sup>5</sup> T. Sulimirski, *Sarmaci*, Warszawa 1979, s. 126, 200; J. Werner, *Beitrag zur Archeologie des Attila-Reiches*, Munchen 1956, S. 5-18.

великому переселению германских народов, которое сто лет спустя, в 476 г. н. э. положит конец существованию Западной Римской империи. Нельзя не признать правоту Аммиана Марцеллина и других античных авторов, которые считали гуннов причиной всех поражений и несчастий, свалившихся на Римскую империю<sup>6</sup>.

Гунны захватили оставленные готами черноморские степи. В 395 г. н. э., после того как суровая зима сковала льдом воды рек, им удалось перейти реку Истр (Дунай) и ворваться на римские земли. В течение следующих нескольких лет они опустошали римские провинции Фракию и Мезию под предводительством некоего Ульдиса (Гульдина). Византийским дипломатам удалось в конце концов уговорить дерзкого Ульдиса возвратиться за Дунай. Однако вскоре, в начале V в. н. э., могущество гуннов слабеет, и их племенной союз распадается.

На дальнейшие завоевания гуннов повел вождь по имени Руас (Ругила). Руас объединил разрозненные после Ульдиса племена гуннов, которые под его предводительством вновь переправились через Дунай и ворвались на территорию римской провинции Паннония. Известно, что ок. 430 г. н. э. Руас делил власть со своими братьями, Октаром и Мундзуком (Мундиухом), отцом Бледы и Аттилы. Могущество гуннов выросло к этому времени (434 г. н. э.) настолько, что Руас ведет переговоры с Восточной Римской империей с позиции силы, устанавливая дань в размере 350 фунтов золота ежегодно. Он также требовал выдачи перебежчиков-гуннов и готовился к карательному походу против взбунтовавшихся племен, признавших его власть над собой (Priskos, fr. 1).

В ходе своих завоеваний гунны создали государство, объединившее множество племен, в котором сами заняли господствующее положение. Гунны подчинили себе целый ряд сарматских (аланов, роксоланов, язигов, антов), а также германских (готов, скиров, герулов, гепидов, тюрингов) и славянских племен.

После смерти Руаса (433 или 434 г. н. э.) власть перешла к Бледе и Аттиле, сыновьям его брата. Бледа был старше, но реальная власть с самого начала, вероятнее всего, оказалась в руках честолюбивого и необыкновенно талантливого Аттилы,

---

<sup>6</sup> Ammianus Marcellinus, *Res gestae*, XXXI 2.1.

который при всей своей несдержанности и вспыльчивости отличался лисьей хитростью. Новые вожди повысили размер дани, наложенной на Восточную Римскую империю, до 700 фунтов золота в год (Priskos, fr. 1).

Около 445 г. н. э. Атила совершает убийство своего брата Бледы, чтобы ни с кем больше не делить власть. Удивительно, что после братоубийства семья Бледы сохранила все принадлежавшее ей имущество (Приск в 449 г. н. э. оказался в селении, которое принадлежало жене убитого Бледы).

Атила, несмотря на установление дипломатических отношений с Константинополем, постоянно совершал набеги на придунайские провинции империи. В 441-442 г. н. э. гунны завоевали Наис (ныне Ниш), Виминаций (ныне Костолац), Маргош, сдавшийся в результате измены епископа, Сирмион и целый ряд других крепостей, расположенных над Истром. После этих событий, как пишет Приск, могущество варваров возросло еще больше (Priskos, fr. 2).

Константинопольский император Феодосий Младший ответил отказом на повторное требование выдачи гуннов-перевесчиков. Это повлекло за собой опустошение гуннами Иллирии и Фракии, в том числе захват многонаселенного города Ратиарии (ныне Аркер). С целью уладить конфликт к Аттиле было направлено посольство (Priskos, fr. 3, 4). Однако дипломатические переговоры ненадолго остановили набеги гуннов. В 447 г. н. э. им удалось покорить в общей сложности 70 греческих городов и крепостей и дойти до самых Фермопил. На побережье Херсонеса Фракийского произошло морское сражение, завершившееся поражением восточных римлян. Гунны угрожали уже самой столице. Аттилу, правда, удалось склонить к заключению мира, но на очень невыгодных для Константинополя условиях. Одним из условий была выплата ежегодной дани в размере 2100 фунтов золота, при этом римляне должны были выплатить гуннам единовременно 6000 фунтов золота. Необходимость выплаты столь высокой дани опустошила государственную казну и привела к крайнему обнищанию населения империи (Priskos, fr. 5).

Таким образом, в 448 г. н. э. Восточная Римская империя находилась в крайне тяжелом положении, но византийская дипломатия не привыкла останавливаться перед выбором средств. И вот ближайший советник императора евнух Хризафий организовал заговор с целью убийства Аттилы. Ему удалось склонить Эдекона, посланника Аттилы, бывшего как

раз в Константинополе, к тому, чтобы тот по возвращении убил своего вождя (Priskos, fr. 7). Миссию Эдекона должно было поддержать посольство, в состав которого вошел Максимин – глава посольства – и наш историк Приск Панийский, оставивший подробное описание своего путешествия и пребывания при дворе Аттилы (Priskos, fr. 8).

Покушение на жизнь Аттилы так и не было совершено. Эдекон – гот по происхождению, отец знаменитого Одоакра – не решился поднять руку на своего вождя и во всем ему признался (Priskos, fr. 8).

В это время (449 г. н. э.) Аттила находился на пике своего могущества. Центр его огромного государства располагался на территории бывшей римской провинции Паннония в долине Тисы. Находясь в столице гуннов в 449 г. н. э., Приск мог наблюдать за гордо шествующим Аттилой. Там он встретился также с послами Западной Римской империи и имел с ними чрезвычайно любопытный разговор, запечатленный в его историческом сочинении. Аттилу, – говорил Ромил, опытный посол, – распирает гордость, поскольку судьба к нему необычайно благосклонна. Ни один из правителей Скифии не достигал такого могущества, как он; его власть простирается до островов Океана (острова Балтийского моря), и даже римляне вынуждены платить ему дань. Вечно ненасытный, он жаждет еще большего и для этого собирается выступить против персов, медов и партов. Второй из встреченных Приском послов Рима, Константиолос Паннонский, утверждал, что спесивым Аттилу, гордого по натуре, сделала случайная находка пастуха – меч Ареса, которому некогда приносили жертвы скифские цари и который погиб в незапамятные времена. Аттила обрадовался этой находке и решил, что бог войны, отдавая в его руки свой священный меч, вверяет весь мир в его власть (Priskos, fr. 8, s. 313-314).

Аттила, однако, не собирался выступать против персов, как предполагали Ромилос и Константиолос, он рвался в Западную Европу. Готовя план похода на запад, он предпочел остаться в хороших отношениях с Восточной Римской империей (Priskos, fr. 12, 13, 14). Даже будучи рассерженным на императора Феодосия из-за покушения на его жизнь, он отступает от своих предыдущих требований, а византийским послам оказывает всевозможные почести (449 г. н. э.).

Аттила всегда руководствовался каким-то странным чувством справедливости, не позволявшим ему начинать

несправедливые, т. е. немотивированные войны. Поэтому он искал предлога для войны и с Западной Римской империей. Ситуация складывалась в его пользу, особенно после усиления разногласий между западноримским императором Валентином III и его сестрой Гонорией. Рвущаяся к власти Гонория в это время (в 450 г. н. э.) направила своего верного евнуха Гиацинта к Атилле с предложением своей руки. Как только это обнаружилось, Гонорию незамедлительно выдали замуж, а послов Атиллы, просивших ее руки и приданого (половины империи!), отправили ни с чем (Priskos, fr. 15, 16).

В 450 г. н. э. изменилась также ситуация в Византии. Умер весьма сговорчивый император Феодосий Младший, а его место занял энергичный Маркиан. Новый правитель, воспользовавшись тем, что Атилла был поглощен развитием ситуации на западе, отказался выплачивать дань, которую прежде покорно платил Феодосий. Ни одно из посольств, направленных взбешенным Атиллой в Константинополь, ничего не смогло добиться (Priskos, fr. 15, 18, 19).

Война должна была вестись не только против Западной Римской империи, но и против визиготов и франков. Гензехрих, жестокий и хитрый король вандалов, уже давно подстрекал Атиллу к походу против вестготов. В падении их цветущего королевства в западной Галлии и Испании он был непосредственно заинтересован. Предлогом к войне против франков послужила для Атиллы смерть их короля. В борьбе за трон франков Атилла поддержал не Аэция, а другого претендента. Это одновременно означало ухудшение (бывших до сих пор дружескими) отношений гуннов с Аэцием, выдающимся римским государственным деятелем и военачальником. Аэций довольно долго был заложником у гуннов, благодаря чему у него завязались дружеские отношения со многими из них; позже, уже будучи главнокомандующим римской армии, он поддерживал тесные контакты с Руасом и Атиллой<sup>7</sup> и неоднократно использовал отряды гуннов в борьбе против германских племен в Галлии<sup>8</sup>.

В 451 г. н. э. орды Атиллы, после опустошительного набега на Галлию и покорения целого ряда городов, встретились в бою с армией Аэция, получившей германское подкрепление (в

<sup>7</sup> L. Piotrowicz, *Dzieje rzymskie // Wielka Historia Powszechna*, Т. III, Warszawa 1934, s. 853-854, 858.

<sup>8</sup> G. Labuda, *Hunowie // Słownik starożytności słowiańskich*, Т. II, Wrocław 1964, s. 227.

основном это были вестготы и франки). Битва произошла на Каталаунских полях (*agri Catalauni*, или *campus Mauriacus*, недалеко от нынешнего Шалон-сюр-Марн во Франции). 500-тысячные орды Аттилы были почти полностью разбиты, но не сломлены. Гунны отошли за Рейн и в 452 г. н. э. вторглись в Италию, сея невообразимую панику. Аттила – несмотря на угрозы – не собирался нападать на Рим, так же, как раньше не был заинтересован во взятии Константинополя. Взятие такого крупного города, как Рим, повлекло бы за собой слишком далеко идущие последствия – «растворение» гуннов в этом огромном скоплении людей и полное рассеяние войска – а именно этого Аттила и не хотел допустить. Поэтому, когда папа Леон Великий прибыл к нему с посольской миссией, чтобы отговорить его от похода на Рим, Аттила послушался его мудрых слов и дал отбой, удовлетворившись «скромной» данью с императора Валентиниана III<sup>9</sup>. Вслед за этим он ушел за Дунай, к своим селениям. В 453 г. н. э. Аттила умер в результате кровоизлияния в мозг после свадебного пира по случаю своего очередного обручения, на сей раз с бургундкой Ильдико<sup>10</sup>.

Как сообщает Приск, Аттила был обеспокоен судьбой империи гуннов после его смерти и даже обращался к прорицателям (*Priskos*, fr. 8, s. 318, 15-17). Его опасения полностью оправдались. Сразу после смерти этого великого вождя государство гуннов распалось раз и навсегда.

## Дипломатическая миссия с участием Приска

Как следует из самого длинного фрагмента, оставленного Приском (fr. 8, изд. Диндорфа), уже упомянутый Максимин, который должен был отправиться в составе посольства к Аттиле, попросил Приска поехать вместе с ним в страну гуннов, на что наш автор охотно согласился. Это было в 449 г. н. э. Посольство отправилось в путь из Константинополя. Дорога по Фракии пролегла через крупные греческие города: Адрианополь (ныне Эдирне, Турция), Филиополь (ныне

---

<sup>9</sup> Этот дипломатический успех папы Льва I Великого обычно рассматривают как проявление доброжелательности гуннов по отношению к христианской религии. См.: K. Dąbrowski, *Hunowie europejscy* // K. Dąbrowski, T. Nagrodzka-Majchrzyk, E. Tryjarski, *Hunowie europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie*, red. E. Tryjarski, Wrocław 1975, s. 113.

<sup>10</sup> Jordanes, *Getica*, 254 с опорой на несохранившуюся часть труда Приска.

Пловдив, Болгария), Сердике (ныне столица Болгарии, София), Наис (ныне Ниш, бывшая Югославия)<sup>11</sup>. Последний город, до основания разрушенный гуннами, в то время совершенно обезлюдел, по нему невозможно было ходить: всюду лежали груды человеческих костей (fr. 8, s. 291, 9-15). До момента выхода из Наиса маршрут греческого посольства известен, и его можно точно определить по карте. В дальнейшем сообщения Приска становятся довольно туманными, и неизвестно, каким путем двигалось посольство. Большинство исследователей полагает, что оно направилось в Великую Венгерскую долину, где и находилась столица гуннов<sup>12</sup>. Встречается также мнение, что греческое посольство направилось в Валахию и именно там следует искать стоянки Атиллы и столицу гуннов<sup>13</sup>. Покинув Наис, греки намеревались идти на запад, но поскольку в те времена путешествия совершались по ночам, а окрестности были покрыты лесами, то, заблудившись, они двигались на северо-восток. Однако и этот путь привел их к Истру (Дунаю). Переправа через Истр прошла довольно удачно благодаря помощи «варваров», которые перевезли послов на другой берег реки в долбленных лодках (fr. 8, s. 292,3). На расстоянии около 70 стадий (ок. 14 км) от Истра, на некой равнине находился лагерь Атиллы («шатры Атиллы» – fr. 8, s. 292, 13-25). Там состоялась первая встреча Атиллы и послов Константинополя. Атилла, не дав ни одного ответа посольству, продолжил свой путь, по этой причине и посол Максимин и его товарищи вынуждены были следовать за ним. Приск успел уже окончательно потерять ориентацию; он знает только, что свита двигалась к «расположенным дальше на север окраинам страны» (fr. 8, s. 299, 25). Посольство предположительно оказалось в Великой Венгерской долине (как пишет Приск, «с этого места мы двигались по прямой дороге, пролегающей по равнине» (fr. 8, s. 239, 32; s. 300, 1). Путь в столицу Атиллы не был труден, но нужно было переправляться через много разных рек (это были, предположительно, левые притоки Тисы). Приск приводит названия самых крупных из них:

<sup>11</sup> J. Kuranc, *Akcja dyplomatyczna Bizancjum i jego sąsiadów w latach. 433-468 // „Roczniki Humanistyczne”*, T. XII, z. 3, 1964, s. 71-72; он же, *De Prisco Panita rerum scriptore quaestiones selectae*, Lublin 1958, s. 22.

<sup>12</sup> K. Dąbrowski, *Hunowie europejscy...*, s. 89-99.

<sup>13</sup> R. Browning, *Where was Attila's camp? // “Journal of Hellenic Studies”*, LXXII, 1953, с. 143-149.

Дре(н)кон, Тигас и Тифезас (локализация спорная). Вновь появляются услужливые варвары-перевозчики, которые перевозят путников через большие реки в долбленых лодках, а через малые – на плотах (fr. 8, s. 300,3–7). Похожие лодки, изготовленные из цельного ствола дерева, использовали русичи в своих плаваниях по Днепру, как известно из описания Константина VII Багрянородного в его трактате *De administrando imperio* (X в. н. э.)<sup>14</sup>. По дороге греки покупали у местных жителей просо и напитки, называемые на их наречии *medos* = «мед» и *kamos* = «ячменный напиток, пиво» (fr. 8, s. 300, 8-12). Слова *medos* и *kamos* лингвисты считают славянскими, а жителей долины Тисы, описанных Приском, славянами<sup>15</sup>. Затем послы, гонимые бурей, добрались до некоего селения, в котором правила жена Бледы, брата Атиллы. Ее жители, «скифы», подожгли тростник, чтобы согреть замерзших греков, и приютили их (fr. 8, s. 300, 12-32). После всех этих приключений и новых переправ через реки послы оказались наконец в столице гуннов – у цели своего путешествия. Локализация столицы Атиллы до настоящего времени является предметом споров: считают, что она находилась либо в окрестностях современного города Дебрецен (Венгрия), на что, похоже, указывает и то обстоятельство, что Приск не говорит о переходе через известную реку Тису, либо дальше на северо-запад, в окрестностях античного города Аквинкум (ныне Будапешт)<sup>16</sup>.

Вероятно, Приск неоднократно бывал в Паннонии и хорошо знал эту страну и обычаи варваров. Однако в 449 г. ситуация была исключительной. Министр империи, Хризафий, возглавил заговор с целью убийства Атиллы и втянул в него одного из предводителей гуннов, Эдекона. Эдекон сначала поклялся, что убьет Атиллу, но позже раскрыл своему вождю преступные замыслы приближенных императора. Таким

---

<sup>14</sup> Один из разделов произведения Константина Багрянородного *De administrando imperio* носит название (в переводе) «О русах, прибывающих с Руси на кораблях-,однодревках” в Константинополь» и специально посвящен Руси. См.: В. Rybaków, *Pierwsze wieki historii Rusi* (przełożył A. Olejarczuk), Warszawa 1983, s. 27-30; W. Swoboda, *Priskos // Słownik starożytności słowiańskich*, T. IV, Wrocław 1964, s. 351.

<sup>15</sup> G. Labuda, *Hunowie* oraz J. Żak, *Hunowie na ziemiach słowiańskich // Słownik starożytności słowiańskich*, T. II, Wrocław 1964, s. 226-231; Plezia, *Greckie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów Słowian*, Cz. 1, Poznań-Kraków 1952, s. 51-52.

<sup>16</sup> J. Kuranc, *De Prisco Panita...*, s. 22; K. Dąbrowski, *Hunowie europejscy...*, s. 89-91.

образом, возникла довольно странная ситуация: Атиллa знал о готовящемся покушении на его жизнь, в то время как глава греческого посольства Максимин и его советник Приск совершенно не были осведомлены об этих намерениях. Только сопровождающий посольство переводчик Вигиланс был посвящен во все и должен был передать Эдекону 50 фунтов золота для подкупа стражи Атиллы. В этой необычной ситуации Атиллa ведет себя часто совершенно непостижимым образом для ничего не знающих Максимина и Приска: отказывается назначить греческому посольству аудиенцию, осыпает ругательствами Вигиланса, запрещает послам делать покупки в стране гуннов. Послы растеряны и огорчены таким поворотом событий. Казалось, они будут вынуждены уехать ни с чем, не выполнив порученной им миссии. Тогда в дело вступает Приск. Он организует встречу со Скоттом, придворным Атиллы. Ему удалось так ловко сыграть на амбициях Скотта, что тот сделал все, чтобы Атиллa незамедлительно принял послов. Максиминому вряд ли пришлось сожалеть о том, что он взял с собой Приска, поскольку историк оказал ему не одну услугу. Это он добился назначения аудиенции у Атиллы, помог Максиминому наладить контакты с вождями гуннов, доставлял подарки влиятельным особам, поскольку Максиминому, занимающему высокое положение, было неловко это делать. Заговор с целью убийства Атиллы оказался безрезультатным, греческое посольство вернулось в Константинополь только после того, как были улажены все проблемы при дворе гуннов (Priskos, fr. 8, изд. Диндорфа).

### **Повседневная жизнь гуннов**

Аммиан Марцеллин, греческий историк, пишущий на латыни, в своем рассказе о событиях 353-378 гг. н. э., т. е. о периоде первого появления гуннов в Европе, дает определение гуннам как кочевникам, не скрывая при этом своего недоумения от их кочевнического образа жизни и обычаев: «Ни у кого из них нет ни постоянного пристанища, ни домашнего очага, ни законов, ни устоявшегося образа жизни, они блуждают, как вечные беглецы, таща за собой возы, на которых живут. В этих возах жены ткут для них грубую одежду, совокупаются с мужьями, рожают и воспитывают детей вплоть до достижения ими взрослого возраста. Никто из них, будучи спрошенным, откуда он родом, не мог бы ответить на

этот вопрос, потому что в одном месте он был зачат, в другом родился и уже в третьем воспитывался» (*Res gestae*, XXXI 2.10). Женщины и дети путешествовали на возах, мужчины ездили по степи верхом. Все они привыкли переносить холод, голод и жажду (*Amm. Marc.* XXXI 2.4). Гунны, известные Марцеллину, не возводили жилищ: «У них нет постоянной крыши над головой, и обычной кровли они боятся как могилы, не предназначенной для общего пользования. Нельзя у них найти даже хаты, покрытой соломой» (XXXI 2.4). Гунны привыкли к неограниченной свободе и жизни под открытым небом; находясь в чужой стране, они не любили входить в чужие жилища, за исключением тех случаев, когда этого требовали крайние обстоятельства (XXXI 2.4).

Гуннам как кочевникам чужда была обработка земли. «Никто у них не пашет и никогда не прикасается к плугу», – пишет Аммиан Марцеллин (XXXI 2.10). Возделыванием земли гунны не занимались и позже, когда их жизнь начала приобретать оседлые формы. Аммиан Марцеллин сообщал также, что их жизнь довольно примитивна, они готовят себе пищу не разводя огня, едят корни диких растений и полусырое мясо, которое кладут под седло, чтобы оно стало более мягким. Обычай класть под седло сырое мясо с целью сделать его более перевариваемым, в течение долгого времени бытовавший позже у татар, сохранился до сих пор у монголов<sup>17</sup>.

Средства к существованию гуннам давало разведение скота, преимущественно лошадей и овец, которые лучше всего переносят длительные переходы, охота, но главным образом – война. Орды гуннов, как свидетельствует об этом история, были непобедимы и всюду, где бы они ни появились, сеяли панический страх.

Иначе выглядит их повседневная жизнь в сочинении Приска Панийского, написанном 80 лет спустя. В одежде гуннов чувствуется достаток, конская сбруя, сабли и застежки на обуви украшены золотом и драгоценными камнями (богатые одеты чрезвычайно пышно), у них есть дома (в столице гуннов Приск видел очень красивые и просторные дома, самый большой из которых принадлежал Аттиле), они больше не питаются сырым мясом (на пиру у царя гуннов подают самые изысканные блюда; столовые приборы сделаны из золота и серебра). В середине V в. н. э., когда Приск вместе с

---

<sup>17</sup> K. Dąbrowski, *Hunowie europejscy...*, s. 41.

Максимином отправились в путешествие в столицу Аттилы, гунны окончательно обосновались в Паннонии, откуда совершали свои дальнейшие набеги. Существенно поднялся уровень их жизни, они начали испытывать цивилизационное влияние Восточной Римской империи, а также других своих оседлых соседей. В стране Аттилы сообщает Приск, было много населенных пунктов, а в одном из них находился самый роскошный из его домов, с богато украшенной оградой и башнями (Priskos, fr. 8, s. 303, 18-23). На расстоянии 70 стадий от правого берега Истра греческое посольство наткнулось на шатры Аттилы, «и было их великое множество» (Priskos, fr. 8, s. 292, 24-25).

В повседневной жизни гуннов огромную роль играли лошади. Стоит вновь обратиться к Аммиану Марцеллину: каждый из этого племени проводит на них (т. е. на лошадях) все свои дни и ночи; во время езды они покупают вещи и продают их, едят и пьют, и даже спят, прислонясь к худой шее коня, погруженные в глубокий сон (Amm. Marc. XXXI 2.6). Как это принято у кочевников, они гоняли с собой огромные табуны лошадей, питаясь их молоком и мясом. Гунны представляли серьезную военную угрозу только как конница, ибо, спешившись, они едва могли стоять на ногах. Даже во время военных советов и принятия важных решений гунны привыкли сидеть верхом. Приск Панийский сообщает, как греки и гунны отправились для проведения переговоров за город (очевидно, на открытом пространстве гунны чувствовали себя увереннее). К изумлению греков, гунны не спешили перед началом переговоров. Уязвленные этим греческие послы также остались верхом, «чтобы не вести беседу, когда одни сидят на лошадях, а другие стоят на земле» (Priskos, fr. 1). Аттила, желая оказать почести греческому послу Максимино, приказал, чтобы каждый из предводителей гуннов подарил ему коня (fr. 8, s. 321, 14-15). Следовательно, конь считался у гуннов самым ценным даром. Аммиан Марцеллин утверждает, что их лошади были выносливы, но некрасивы (XXXI 2.6).

Гунны, оторвавшиеся в I в. н. э. от своих сородичей, чтобы в IV в. н. э. ворваться в Европу во главе армии, объединившей множество племен, сохранили многие из монгольских черт и говорили предположительно на тюркском языке. Античные историки отмечают множество монголоидных черт во внешности гуннов – разумеется, коренных гуннов, составив-

ших правящий слой и основной костяк армии племенного союза, а не населения, ими покоренного<sup>18</sup>. В данном племенном союзе ведущая роль принадлежала племенной аристократии, связанной по своему происхождению с азиатскими гуннами. К кругу доверенных лиц Атиллы принадлежали не только коренные гунны. При дворе Атиллы мы видим множество «иноземцев», в том числе Эдекона – гота по происхождению, ставшего личным другом вождя, и Ореста – римлянина из провинции Паннония, исполнявшего функции секретаря (Priskos, fr. 7 и 8 и в других местах). В столице гуннов можно было услышать разноязыкий говор. К наиболее часто звучащим языкам относились: гуннский, готский и латынь (fr. 8, s. 305, 18-20).

Приск в своем описании миссии к Атилле, проходившей с его участием, поместил любопытные наблюдения об обществе гуннов и царящих внутри его порядках (fr. 8). Эти наблюдения касаются в основном столицы гуннов, где располагались дома членов семьи правителя и аристократии. Таким образом, у нас есть возможность понаблюдать, вместе с Приском, за жизнью социальной элиты гуннов – правителя и его ближайшего окружения. С другой стороны, нашего автора интересует и судьба невольников. Среди них были, в частности, граждане Восточной Римской империи, то есть земляки Приска, этим объясняется его особая к ним симпатия. Внимание Приска привлекает, разумеется, также фигура и личность правителя гуннов, Атиллы, которого ему несколько раз довелось видеть лично. Как добросовестный историк и очевидец событий, Приск открыто не высказывает своего отрицательного отношения к Атилле, самому грозному из врагов Византии, но при этом оценивает его критически. Прекрасная характеристика Атиллы из 8 фрагмента Приска является единственным портретом варвара, неримлянина, дошедшим до наших дней с тех далеких времен (это описание сохранилось благодаря Иордану)<sup>19</sup>. Иордан, следуя в своем рассказе за словами Приска об Атилле, так описывает его внешний вид: «Низкий рост, широкая грудная клетка, большая голова, маленькие глазки, редкая борода, волосы с легкой проседью, приплюснутый нос и смуглая кожа – все выдавало в нем его происхождение» (*Getica*

---

<sup>18</sup> А. Бернштам. *Очерк истории гуннов*. – Ленинград, 1951. – С. 166-168.

<sup>19</sup> J. Kuranc, *De Prisco Panita...*, s. 62 (приводятся слова Моммсена, издателя Иордана).

182). Фраменты Приска также проливают свет на характер правления, осуществляемого Аттилой – первым в истории автократическим правителем кочевников, и на его отношения с подданными. В свете записей Приска Аттила предстает как властитель абсолютный. Он всегда появлялся в окружении большого числа стражников и слуг. Прием греческого посольства также происходил в присутствии стражников-варваров, стоявших у шатра своего предводителя. Приску удалось приблизиться к Аттиле лишь благодаря тому, что его хорошо знали стражники и приближенные Аттилы (Priskos, fr. 8, s. 311, 19-21). Для обычного человека доступ к правителю был затруднен. Это было продиктовано, в частности, соображениями безопасности. Опасения Аттилы за свою жизнь несколько не были необоснованными. Его повсюду ненавидели, а греческое посольство, в состав которого входил Приск, было замешано в заговоре с целью его убийства. Кроме того, это должно было создавать дистанцию между правителем и подданными. Люди теснятся у дома, из которого должен выйти Аттила, чтобы собственными глазами увидеть человека-легенду своего времени (Priskos, fr. 8, s. 311, 21-23).

Аттила, как можно судить на основании 8 фрагмента Приска, неустанно заботился о поддержании своего престижа. Его люди запретили греческим послам устанавливать шатер на холме, поскольку шатер Аттилы располагался ниже (fr. 8, s. 292, 26-28). В другой раз гунны приказали посольскому кортежу остановиться посреди дороги и ждать, пока Аттила и его свита не проедут вперед (fr. 8, s. 301, 22-25). Гунны, вероятнее всего, хотели продемонстрировать византийцам высокое положение своего правителя. Именно поэтому резиденция Аттилы в столице гуннов располагалась выше всех прочих зданий (fr. 8, s. 304, 20-21).

Известно, что скифы, многие обычаи которых гунны переняли при посредничестве сарматских племен, полагали, что высшая власть происходит от бога. В скифской культуре вручение лука считалось актом инвеституры, а сам лук – символом власти<sup>20</sup>. В свою очередь, золотые луки находят в необычайно богатых захоронениях эпохи гуннов. Это свидетельствует о том, что у гуннов лук также был символом власти.

---

<sup>20</sup> Д. Раевский. *Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии.* – Москва, 1977. – С. 161-162, 31-33.

Подобные символы власти не переходили по наследству<sup>21</sup>. Иордан, опираясь на несохранившийся фрагмент Приска<sup>22</sup>, рассказывает, что в ту самую ночь, когда Аттила завершил свой жизненный путь, императору Маркиану приснился сломанный лук. Император сразу понял, что этот сон означает смерть короля гуннов.

Судебная власть, как можно предположить, также была сосредоточена в руках Аттилы. Приск видел, как царь гуннов, стоя на пороге какого-то дома, выслушивал доводы спорящих сторон и выносил свое решение (Priskos, fr. 8, s. 311, 26-28). Это было безусловным пережитком древнего родо-патриархального строя, когда вождь лично вершил суд над членами племени. Аттила выносил также приговоры всем, кто совершил какое-либо преступление. Особенно сурово он обходился с изменниками: скифского (т. е. гуннского) шпиона, действовавшего в интересах римской разведки, он приказал посадить на кол (Priskos, fr. 8, s. 320, 30-32). Маму и Атакама, гуннов царских кровей, перешедших на сторону римлян, постигла не менее суровая кара: их распяли во фракийской крепости Карсея. Констанций, секретарь, присланный гуннам Аэцием, был распят на основании приказа Аттилы и Бледы по обвинению в измене (Priskos, fr. 8, s. 302, 26-28).

Образ правления Аттилы должен был вызывать серьезную реакцию протеста среди его подданных. Подавляющее их большинство не были по своему происхождению гуннами, а кроме того, и среди самих гуннов не было недостатка в бунтовщиках. Среди недовольных находим даже представителей царского рода – Маму и Атакама. Постоянно возобновляемые требования Аттилы к римлянам о выдаче всех перебежчиков сами по себе довольно красноречивы. При дворе Аттилы, как следует из слов Вигиланса в 8 фрагменте Приска, царила душная атмосфера страха и недоверия: «Никто из народа, как полагал Вигиланс, не отважился бы на разговор с Аттилой, поскольку всех парализовал страх» (Priskos, fr. 8, s. 297, 27-30). Даже приближенные могли рассчитывать на его благосклонность лишь в том случае, если выказывали ему безусловную покорность.

---

<sup>21</sup> K. Dąbrowski, *Hunowie europejscy...*, s. 102.

<sup>22</sup> Priskos, fr. 23; Jordanes, *Getica*, 255.

Аттила умел, однако, завоевывать симпатии своих подданных. Его люди хранят ему верность, и их не удастся склонить к измене. Вопреки всем ожиданиям Вигиланса, Эдекон доносит Аттиле о готовящемся заговоре с целью его убийства.

Всех подданных Аттилы можно условно разделить на господ и рабов. Выше уже говорилось о том, что даже самые знатные из гуннов должны были выказывать своему правителю безусловную преданность, что не могло не ограничивать их свободу. Рабов следует отличать от пленников, взятых на войне, которые подлежали выкупу. Если за кого-то из пленников выкуп не поступал, он оставался в качестве раба у захватившего его в плен. Рабов набирали из числа покоренного населения и военнопленных. Были среди них и варвары, и греки. Аттила, например, запрещает греческим послам выкупать римских (греческих) пленников и покупать рабов-варваров (Priskos, fr. 8, s. 298, 13-16).

В 8 фрагменте Приска приводится беседа, проведенная самим автором с греком, бывшем в неволе у гуннов (fr. 8, s. 305,12 – 309,12). Она имеет огромное значение для понимания сути общественной жизни гуннов и положения невольников в их государстве. Упомянутый грек, с которым Приску удалось поговорить в столице гуннов, был некогда жителем Виминация (ныне Костолац). Захватив город, гунны поделили между собой трофеи и взятых в плен людей, а он, будучи человеком богатым, попал к Онегезию, «ибо богатых пленников после Аттилы имели право выбирать влиятельные скифы» (fr. 8, s. 306, 7-9). Затем мы узнаем из этого любопытного разговора, что невольники во время войны сражаются рука об руку со своими хозяевами-гуннами, и каждый из рабов обязан, по обычаю, отдавать своему господину все добытые на войне трофеи. Это значит, что невольники у гуннов имели право носить оружие (по крайней мере во время войны), в отличие от рабов в Римской империи, которым никогда не давали в руки оружия, опасаясь, что они обернут его против своих господ. Военная доблесть ценилась у гуннов чрезвычайно высоко. Поскольку собеседник Приска «отличился позже в сражениях с римлянами и акатирами и, согласно скифскому обычаю, отдал своему господину-варвару все, что добыл на войне, то вновь обрел свободу. Он взял в жены представительницу варварского племени и завел с ней детей. Допущенный к столу Онегезия, он считал, что его нынешняя жизнь лучше, чем прежняя» (fr. 8, s. 306, 9-16). За бегство с поля боя

раба ожидало суровое наказание. Кроме того, по законам гуннов, хозяева могли распоряжаться жизнью и смертью невольников. На обратном пути в Константинополь греческие послы наблюдали за казнью рабов, обвиненных в убийстве своих хозяев во время войны: их приводили со связанными за спиной руками, затем распинали, а головы насаживали на раздвоенные кольца (Priskos, fr. 8, s. 321, 1-6).

В столице гуннов Приск видел греков из Фракии и Иллирии, оказавшихся в плену у гуннов; от отчаяния они рвали на себе одежду и волосы (Priskos, fr. 8, s. 305, 22-25). Греческие послы сочувствуют несчастью жены и детей Силла из Ратиарии, которые находились в рабстве у гуннов около шести лет (покорение Ратиарии произошло в 442 г. н. э.). Желая выкупить их по более низкой цене, они просят Онегезия, чтобы тот сжалился над теми, для кого судьба некогда оказалась столь неблагоприятной. В результате Атиллы позволяет греческим послам выкупить жену Силла за 50 золотых монет, а ее детей отправляет императору в подарок (fr. 8, s. 318,30 – 319,7).

Гунны, подобно грекам и римлянам, использовали невольников для работ по дому. Приск, посетивший Креке, главную жену Атиллы, увидел ее в окружении сонма слуг обоих полов, вероятнее всего, невольников. Рабыни, сидя напротив нее, вышивали разноцветными нитями епанчу (fr. 8, s. 311, 10-12). Полагают, что у гуннов существовали пережитки патриархального рабства, этим объясняется не особая тяжесть положения рабов<sup>23</sup>. Гунны охотно пользовались услугами невольников, бывших искусными мастерами в своем деле, но их талант и способности ценили невысоко. Приск приводит грустную историю раба-грека из Сирмиона, архитектора, который построил баню для Онегезия. Его творение получило одобрение господина, но сам строитель не был вознагражден за свой труд, более того, он вынужден был с тех пор обслуживать купальщиков в качестве банщика (fr. 8, s. 303,27 – 304,2).

Греческие военнопленные, которые умели писать и обладали знанием риторики, оказывались в канцелярии, действовавшей при дворе Атиллы. Приск сблизился с неким Рустикием, пленным из верхней Мезии. В канцелярии Атиллы он занимался редактированием писем, поскольку обладал необходимым для этого образованием и талантом (fr. 8, s. 318, 26-30).

---

<sup>23</sup> K. Dąbrowski, *Hunowie europejscy...*, s. 103.

Приск полагал, что положение рабов у гуннов намного тяжелее, чем у греков. Гунны могли казнить своих невольников, в то время как греки такого права не имели (Priskos, fr. 8, s. 309, 3-4). Однако следует помнить о том, что судьба рабов в цивилизованной Греции также была незавидной.

Анализ фрагментов Приска приводит к выводу, что основой богатства гуннов были их грабительские набеги и дань, взимаемая с покоренных племен, особенно с населения богатой Восточной Римской империи. До начала нашествия в Европу гунны занимались охотой. Они оставили это занятие, как только обрели силу и начали грабить соседей<sup>24</sup>. Постоянно совершаемые гуннами набеги на придунайские провинции (конец IV – вторая половина V в. н.э.), а также их нашествие на Галлию и Италию (451-452 г. н. э.) главной своей целью имели добычу богатых трофеев, благодаря которым они могли бы в мирное время жить в достатке. Греческому пленнику из Виминация, с которым беседовал Приск в столице гуннов, пришлось по вкусу образ жизни варваров. У гуннов, уверял он Приска, действительно нужно проявлять настоящую доблесть на войне, но зато в мирное время можно бездельничать и жить спокойно. У гуннов жизнь намного лучше и спокойнее, чем в Империи: можно не мучиться бессонницей при мысли о налогах и не страдать от беззакония чиновников; не нужно тратить время и нервы в судах, которые выносят несправедливые приговоры. «У скифов [то есть у гуннов], – приводит новые аргументы собеседник Приска, – после войны время проходит в праздности, и каждый пользуется тем, что имеет, не доставляя неприятностей другим и не испытывая их по отношению к себе [...] у римлян же условия жизни в мирное время доставляют больше неприятностей, чем тяготы войны из-за разорительных налогов и несправедливости со стороны злых людей. Ибо закон там не стоит превыше всего» (fr. 8, s. 306, 16-26).

Несмотря на то, что власть Атиллы была неограниченной, у него были определенные обязанности перед своими подданными: он должен был прислушиваться к их желаниям и обеспечивать им средства к существованию<sup>25</sup>. Царь гуннов, угрожая войной Константинополю, заявляет, что не намерен

<sup>24</sup> Jordanes, *Getica*, 123, с опорой на утерянный фрагмент Приска.

<sup>25</sup> L. Gumilow, *Dzieje dawnych Turków* (przełożył T. Zabłudowski), Warszawa 1972, s. 31.

далее сдерживать скифские орды (Priskos, fr. 3). Эти слова не были только дипломатическим ходом со стороны Атиллы, они отражали реальное положение дел: поскольку гунны жили войной, то длительное перемирие могло вызывать рост социального недовольства. Впрочем, Атилла, несмотря на заключение мира с империей, никогда окончательно не прекращал набеги на ее провинции. О том, как непривычны были гунны к тому, чтобы что-то делать своими руками, свидетельствует содержание послания, направленного Денгизихом, сыном Атиллы, к императору в 467 г. н. э. Денгизих требует от императора выделения денег ему и его людям, в противном случае угрожая войной (Priskos, fr. 38).

Атилла заботился о своих соратниках и приближенных. Он направлял их с посольствами в Константинополь по каждому незначительному поводу только лишь затем, чтобы они могли получить богатые дары от императора и таким образом обогащаться (Priskos, fr. 6). Вместе с греческим посольством, в котором участвовал Приск, в Константинополь направляется также гунн Берих, чтобы и он мог воспользоваться щедростью римлян (Priskos, fr. 8).

После покорения неприятельского города захватчики-гунны приступали к дележу добычи. Самых богатых пленников, вместе со всем их имуществом, имели право выбирать только наиболее влиятельные из гуннов. Первым выбирал, разумеется, Атилла, а после него Онегезий (Priskos, fr. 8). Военнопленные были для гуннов важным источником дохода: взамен за их освобождение гунны получали выкуп, размер которого устанавливали они сами. В случае, если пленника некому было выкупить, он становился рабом захватившего его в плен. Размер выкупа зависел, естественно, от ранга и имущественного положения пленника. Опираясь на данные, приводимые Приском, можно приблизительно установить, каков был средний размер выкупа за пленника. За убежавшего от гуннов греческого пленника в 434 г. н. э. Константинополь должен был заплатить в качестве возмещения убытка владельцу 8 солидов, а в 447 г. н. э., когда Атилла диктовал свои условия империи, цена выросла до 12 солидов. В этой связи можно предположить, что средний выкуп за греческого пленника колебался в границах от 8 до 12 солидов. После того, как Атилла раскрыл преступные замыслы Вигиланса, тот, оправдываясь, пытался объяснить, что столь значительная сумма – 50 фунтов золота – необходима ему на покрытие различных

дорожных расходов, а также для выкупа греческих пленников, «поскольку множество людей в римских [восточноримских] землях просили его выкупить их родственников» (fr. 8, s. 322, 17-21). Аттила, выслушав объяснения Вигиланса, ответил, что 50 фунтов золота (вес одного римского фунта золота составлял ок. 324,4 г, что соответствовало 72 солидам<sup>26</sup>) – это сумма, значительно превышающая реальные расходы Вигиланса: покупку вьючных животных и лошадей, а также выкуп пленников (неизвестно, сколько их было) (fr. 8, s. 322, 24-28). Таким образом, если предположить, что средний размер выкупа составлял 10 солидов, то упомянутые 50 фунтов были действительно слишком высокой суммой для выкупа нескольких пленников. Приск описывает также историю епископа из города Сирмион в Паннонии, который во время осады города гуннами доверил золотую церковную утварь секретарю Аттилы Констанцию, с тем чтобы тот в случае сдачи города выкупил его из рабства. В случае гибели епископа Констанций должен был выкупить захваченных в этом городе пленников. Неизвестно, ни какова была стоимость этой церковной утвари, ни сколько пленников предполагалось за них выкупить. Так или иначе, история доброго епископа, который в минуту несчастья помнил о своей пастве, имела, вероятнее всего, несчастливый конец, поскольку Констанций вскоре присвоил себе отданные ему на хранение чаши, а город Сирмион оказался в руках гуннов (Priskos, fr. 8, s. 302, 10-26).

Соседство богатой Византии было для гуннов настоящим золотым дном, тем более что жители восточной части Римской империи, желая избежать войны, добровольно платили высокую дань. Размер ежегодной дани, выплачиваемой гуннам во время правления Руаса в 434 г. н. э. составлял 350 фунтов золота. В связи со смертью Руаса и переходом власти в руки Аттилы и Бледы, размер дани автоматически увеличился до 700 фунтов золота (Priskos, fr. 1). В 447 г. н. э., после битвы под Херсонесом, Аттила установил новый размер ежегодной дани: 2100 фунтов золота, при этом Константинополь с учетом долга обязан был выплатить ему единовременно 6000 фунтов золота. В том, насколько серьезными были эти расходы для имперской казны, можно убедиться, читая 5 фрагмент Приска. Огромной тяжестью на плечи обездоленного населения империи легли

<sup>26</sup> *The Oxford Dictionary of Byzantium* (ed. A. P. Kazhdan), T. II, New York – Oxford 1991, p. 1238.

вымогательство и нечестность чиновников, собирающих налоги в счет уплаты дани гуннам. «Для выполнения условий договора, – читаем в 5 фрагменте Приска, – и сбора денег, которые необходимо было отправить гуннам, все были обязаны заплатить налог [...]. Причитающиеся с каждого деньги жестоко и несправедливо собирали те, кому император поручил это делать; они делали это так, что люди, до недавнего времени считавшиеся зажиточными, выставляли на рынке своих жен и дорогую утварь на продажу. После этой войны столь великое горе постигло римлян, что многие умерли с голоду или повесились».

Помимо этого, Восточная Римская империя отдавала гуннам золото также «добровольно». Каждое посольство, прибывавшее из Константинополя, везло с собой множество даров для Аттилы и его окружения. Приск не сообщает, что получал в дар Аттила, но можно предположить, что это было столь любимое им золото. В дар Онегезию император направил золото, а Максимин, возглавлявший посольство, тоже добавил от себя какие-то дары. Любопытные подтверждения этого дает нам археология. Обнаружение многочисленных кладов и золотых монет, датированных первой половиной V в. н. э. (в частности, клад из местности Бина в Словакии, клад из Ходмезевашархей в Венгрии), наводит на мысль, что влиятельным гуннам чаще всего в дар преподносили золотые монеты. Среди находок встречаются монеты-имитации (фальшивые солиды, отчеканенные из золота более низкой пробы), известные благодаря археологическим раскопкам близ Шарошпатака и Ялеа луи Михай (Эрмихайфальва). Одариваемые варвары, как правило, не замечали наличия отдельных монет-имитаций, а имперская казна могла благодаря этому хоть немного сэкономить. Спорной остается до сих пор функция медальонов с изображениями римских императоров. Возможно, это был особый вид подарков для вождей варварских племен. Медальоны этого типа мог также получать Аттила от греческих посольств в качестве почетного дара от императора. Менее ценные, но столь же привлекательные подарки получали от греческих посольств приближенные и семья правителя. Максимин, глава посольства 449 г. н. э., подарил Эдекону и Оресту шелковое платье и индийские камни (жемчуг). Жене Бледы в знак благодарности за предоставленный кров послы вручили три серебряных чаши, красные шкуры (т. е. окрашенные в пурпурный цвет),

индийский перец, финики и прочие яства, неизвестные в Скифии (Priskos, fr. 8, s. 301, 14-21). Приск, будучи членом греческого посольства, преподнес также дары Креке, супруге Аттилы, но неизвестно, что это были за дары (Priskos, fr. 8, s. 310, 27-28).

Возникает вопрос, для каких целей предназначалось такое количество золота, добытого силой или принуждением у Восточной Римской империи. По мнению многих ученых, римские монеты переплавляли и затем изготовляли из них золотые украшения. По данным археологических раскопок и из сочинения Приска известно, что гунны обожали золотые украшения на одежде, конской упряжи, оружии, и даже на застежках (точнее, пряжках) на обуви. Вполне возможно, что золотые украшения и драгоценности, обнаруженные в захоронениях эпохи гуннов, выполнены ювелирами из переплавленных римских солидов<sup>27</sup>.

По мнению Л. Яради, дань, выплачиваемая гуннам, попадала вновь на приграничные римские рынки, способствуя оживлению торгового обмена и упрочению экономических связей<sup>28</sup>.

Гунны, как можно убедиться в ходе прочтения 1, 7 и 36 фрагментов Приска, вели оживленную торговлю с Восточной Римской империей. Во время переговоров с римлянами послы гуннов требуют предоставления им равных прав и свободы торговли: «(решено) что на равных правах для римлян и гуннов, а также равно защищенные с обеих сторон должны происходить торги» (Priskos, fr. 1). Торги происходили на границе между Восточной Римской империей и империей гуннов, проходившей по Истру (Дунаю). Когда в результате завоеваний Аттилы эта граница передвинулась до города Наис (захваченного гуннами в 441 г. н. э.), Аттила потребовал, чтобы и ярмарка также была перенесена в Наис, удаленный от Истра на 5 дней пути. Ярмарки должны были происходить на фоне зловещих декораций, ибо, как известно, Наис лежал в руинах и был завален горами человеческих костей.

Много лет спустя, в 466 г. н. э., сыновья Аттилы обратились с просьбой к императору Льву о возобновлении ярмарки, некогда происходившей на берегу Истра, «чтобы можно было

<sup>27</sup> K. Dąbrowski, *Hunowie europejscy...*, s. 71.

<sup>28</sup> Там же, s. 71, 107; см. также: L. Yarady, *Das letzte Jahrhundert Painoniens 376-476*, Budapest 1969, S. 149.

встретиться с римлянами и в условленном месте выставлять свои товары на продажу и самим приобретать вещи, необходимые для жизни» (Priskos, fr. 36). Император, памятуя об обидах, нанесенных гуннами, отказался удовлетворить их просьбу. Можно только предполагать, что на этих ярмарках кочевники продавали шкуры, мех, а также лошадей (это были те дары, которые получали греческие послы от гуннов), а приобретали у восточных римлян предметы роскоши<sup>29</sup>. Сложно сказать, какая из сторон – греки или гунны – извлекала большую выгоду из этой торговли.

Гунны, чтобы удовлетворить свои повседневные потребности, облагали данью оседлые и земледельческие племена, вошедшие в племенной союз гуннов в конце IV в. н. э. В 467 г. н. э. гунны утратили уже свои прежние доминирующие позиции, однако их старые обычаи сохранились. Историк Агафий из Мирины (VI в. н. э.), смотревший на гуннов уже из многолетней перспективы, пишет о жестокой экономической эксплуатации и о совершенно бездумном уничтожении завоеванных ими территорий: «Они нигде не намерены были обосноваться, а хотели покинуть избранный ими край, предварительно уничтожив его» (*Historiae* V.11). По мнению современных исследователей, такой мрачный образ гуннов как грабителей, уничтожающих все на своем пути, является упрощенным и не соответствует действительности. Этому противоречит хотя бы тот факт, что гунны вступали в торговый обмен с жителями Восточной Римской империи.

## Война и дипломатия

Фрагменты труда Приска, посвященного истории Византии, показывают гуннов в момент начала их борьбы с Восточной Римской империей. Благодаря Приску, мы можем в деталях проследить за ходом переговоров между гуннами и Византией, начиная с 434 г. н. э. до 468 г. н. э. Значительно меньше сведений мы найдем у Приска по поводу отношений гуннов с другими варварскими народами.

На заре европейской истории гунны представляли собой неуправляемые, неорганизованные орды под предводительством наскоро выбранных вождей. Аммиан Марцеллин так

---

<sup>29</sup> K. Dąbrowski, *Hunowie europejscy...*, s. 107.

пишет об их способе ведения боя: «В случае необходимости они выбирают себе вождей среди старшины и, выстроив клин, бросаются на врага с ужасающим боевым кличем, затем они способны с невиданной скоростью отступить и рассыпаться в беспорядке, чтобы вновь начать убийства и грабежи в лагере неприятеля, уклоняясь, однако, от штурма укреплений. Издалека они бросают копья и стрелы, наконечники которых сделаны из острой кости, но в ближнем бою используют мечи. Они могут внезапно набросить аркан на шею неприятелю, готовящемуся к отражению удара, чтобы не дать ему двигаться и тем самым обезвредить» (XXXI 2.7-8). Секрет их невероятных военных успехов кроется в причинах психологического характера. Гунны наводили ужас одним своим видом и дикостью обычаев. Немаловажной была также огромная численность их войска (все взрослые мужчины становились у гуннов воинами) – на Каталаунских полях Аттила собрал полмиллиона солдат<sup>30</sup>.

Об организации армии гуннов нам известно немного, однако можно с точностью утверждать, что в середине V в. н. э. это уже не были неуправляемые орды. Галльская кампания (451 г. н. э.) была подготовлена со всей возможной тщательностью, не последняя роль здесь принадлежала продуманной дипломатии Аттилы. Царь гуннов с успехом справился с руководством кампанией и сумел отступить в нужный момент<sup>31</sup>.

Гунны, известные Приску, не вызывали уже такого ужаса среди жителей Империи, как когда-то во времена Аммиана Марцеллина. Греки успели даже привыкнуть к виду своих узкоглазых соседей с приплюснутыми носами. Их внешний вид не шокировал ни в коей мере и самого Приска (о внешности гуннов Приск ничего не сообщает). С другой стороны, страх константинопольской правящей элиты перед Аттилой был столь силен, что она предпочитала служить ему как господину, исполняя все его требования, чем вести против него войну. Но, как замечает Приск, греки опасались нападения не только со стороны гуннов, но также партов, вандалов, изауров и сарацин (fr. 6). Приск выступает с резкой критикой пассивной позиции императора Феодосия II и его соглашательской политики в отношениях с гуннами (fr. 5). Гунны, по мнению нашего автора, не были столь ужасны и

---

<sup>30</sup> Jordanes, *Getica*, 182.

<sup>31</sup> K. Dąbrowski, *Hunowie europejscy...*, s. 108-111.

непобедимы, чтобы отвергать даже самую возможность борьбы с ними. Доказательством этого стала героическая оборона крепости Азима, защитники которой сумели противостоять Аттиле (fr. 5).

Когда министры кесаря наконец решились ответить отказом на требования Аттилы, он бросил свои войска на придунайские провинции. Он захватил тогда несколько крепостей, в том числе многолюдную Ратиарию, и вскоре министры пожалели о своем решении (Priskos, fr. 3).

Панический страх греков перед гуннами имел под собой довольно веские основания. Гунны отличались особой жестокостью и не знали жалости к покоренным и строптивым. В 449 г. н. э. Приск посетил город Наис, захваченный гуннами ок. 441 г. н. э. Несмотря на прошествие 7-8 лет после его покорения, Наис не смог восстать из руин. Среди развалин было столько человеческих останков, что послы не могли их объехать и этот отрезок пути вынуждены были преодолевать вплавь по реке Нишаве. Город, бывший некогда цветущим, совершенно обезлюдел: единственными его обитателями были какие-то изможденные нищие в развалинах храма (Priskos, fr. 8, s. 291, 9-15).

Гунны начали понимать значение дипломатии уже после первых своих контактов с цивилизованными жителями Европы. Это было в то время, когда во главе орд гуннов стоял Ульдис (IV – начало V в. н. э.). В дипломатических контактах с Восточной Римской империей гунны, с одной стороны, не хотели отказываться от своих исконных обычаев, а с другой – начинали усваивать многие принципы и методы византийской дипломатии. Как пишет в 1 фрагменте Приск, королевские скифы (гунны) прибыли в Маргош с целью ведения переговоров с послами Восточной Римской империи: «Королевские скифы прибыли в Маргош и решили собраться за городом, сев на своих коней. Варвары решили вести переговоры, сидя верхом, так что и византийские послы, не желая уронить собственного достоинства, таким же образом вышли навстречу скифам, чтобы не разговаривать, когда одни сидят верхом, а другие стоят на земле». После окончания переговоров «римляне и гунны заключили перемирие и дали клятву, и те и другие согласно своим обычаям, после чего разошлись каждый в свою сторону».

В середине V в. н. э. принцип посольской неприкосновенности прочно укрепился в сознании гуннов: Аттила

говорил Вигилансу (который являлся движущей силой заговора с целью убийства Аттилы), что приказал бы посадить его на кол и бросить стервятникам на растерзание, если бы он не уважал посольскую неприкосновенность (fr. 8, s. 296, 20-24). Царь гуннов дарует жизнь и Вигилансу, и дерзкому Аполлонию, который не желал отдавать привезенные от императора дары (fr. 18).

Гунны, в то время, когда Приск посетил их столицу, уже успели усвоить многие из принципов и методов византийской дипломатии.

При дворе Аттилы действовала канцелярия. В ней работали греки-военнопленные, обладавшие знанием грамматики и риторики. Они умели писать по-гречески, на латыни и, возможно, на гуннском языке<sup>32</sup>.

Во времена совместного правления Аттилы и Бледы Аэций направил к гуннам секретаря Констанция, происходившего из Галлии (fr. 8, s. 302, 26-28). Когда Приск посетил двор Аттилы, там уже было несколько секретарей. Они занимались редактированием и написанием писем, а также составлением разного рода документов. Аттила приказал своим секретарям записать имена всех гуннов-перебежчиков (Priskos, fr. 8, s. 296, 24-27).

Прием греческого посольства Аттилой происходил согласно церемониалу императорского двора: «Аттила через Скотта вызвал нас к себе. Мы немедленно направились в его шатер, охраняемый множеством варваров, стоящих вокруг. Когда нас впустили, мы застали Аттилу сидящим на деревянном троне. Мы остановились на некотором расстоянии от трона. Максимин вышел вперед и вручил ему послание императора. Затем он передал от императора пожелания доброго здоровья ему и его людям» (fr. 8, s. 296, 4-12).

Из 8 фрагмента Приска явствует, как выглядит процедура ответа на греческое посольство: «Когда наступил день, мы направились к Онегезию и просили нас отпустить, дабы не тратить времени напрасно. Онегезий в ответ сказал, что Аттила также готов нас отпустить. Оставив нас ненадолго, он держал совет со старейшинами по поводу решений Аттилы, после чего сам составил послание императору».

<sup>32</sup> G. Labuda, *Нитовіе...*, s. 228; *История дипломатии* / Под ред. В. Потемкина. - Т. I. - Москва, 1941. - С. 94-95.

По дороге в столицу гуннов между греческими послами и варварами произошла стычка. «Когда мы разбивали шатер на месте, указанном скифами, явились Орест, Эдекон, Скотт и другие (гуннские) вожди с вопросом, какова цель нашего посольства. Нас удивил этот вопрос [...] Наш ответ был, что император приказал нам говорить с Атилией, и ни с кем другим. Скотт ответил в раздражении, что таков приказ их предводителя и что он не мог бы прийти к нам из собственного любопытства. Мы ответили, что послы не уполномочены отвечать кому бы то ни было на вопросы, касающиеся их посольства, если они лично не встречаются с теми, к кому посланы. Наверняка об этом хорошо известно и самим скифам, которые часто приезжают с посольствами к императору» (fr. 8, s. 292, 28 – s. 293, 18). Прочитанный фрагмент ни в коей мере не свидетельствует о том, что Атила и его люди не были знакомы с принципом посольской тайны. Предводитель гуннов поступил таким образом, чтобы унижить и ввести в замешательство греков, которых он подозревал в гнусных намерениях.

Стороной, диктовавшей условия, был Атила, и восточные римляне вынуждены были исполнять все его прихоти. Предводитель гуннов, как свидетельствует 7 фрагмент Приска, возжелал, чтобы для решения спорных вопросов к нему прибыли византийские послы, но не обычные, а отобранные из числа консулов. Однако дабы не утруждать долгой дорогой столь высокопоставленных особ, Атила готов был сам направиться в Сердику (ныне София) на встречу с ними. Он был явно недоволен, когда придворные императора поступили вопреки его воле и включили в состав посольства Вигиланса и Максимиана. Эти послы передали царю гуннов послание, в котором император заявил, что Атила «не вправе требовать, чтобы к нему прибыли послы наивысшего ранга, ибо этого никогда не было ни во времена предков Атилы, ни в царствование каких бы то ни было других властителей Скифии» (Priskos, fr. 8, s. 289, 28-31). Однако предводитель гуннов настаивал на своем. Он обратился к греческому посольству с вопросом, кто из консулов приехал к нему из Константинополя для решения спорных проблем. На уклончивый ответ Максимиана Атила заявил надменно, что римляне, если они действительно хотят избежать войны с ним, обязаны прислать к нему в качестве послов высокопоставленных особ: Нома, Анатолия или Сенатора (fr. 8, s. 314, 20 – s. 315,

7). Учитывая, что императорский советник Хризафий был взят за горло, да и сам император Феодосий был в крайне сложной ситуации, требования Аттилы наконец были удовлетворены, и к нему в составе посольства направились патриции Анатолий и Ном. Аттила из уважения к этим сановникам, дабы не утруждать их дорогой, выступил им навстречу (Priskos, fr. 14).

Дипломатия часто являлась методом шантажа противника. Царь гуннов, угрожая войной, заставляет Константинополь платить ему высокую дань, выдавать перебежчиков-гуннов, заключать мир на чрезвычайно тяжелых для империи условиях. В приливе гнева он называет императора Феодосия своим рабом и человеком, лишенным всяческой чести (Priskos, fr. 12). Он не слишком выбирает слова, разговаривая с греческими послами. Переводчика Вигиланса осыпает градом ругательств, называя его бесстыдной скотиной (fr. 8, s. 296, 13). Аттила бесцеремонно требует даров от греческих посольств: от Максимиана (449 г. н. э.) и Аполлония (450 г. н. э.). Отважный Аполлоний не пожелал преподнести дары Аттиле, поскольку тот не захотел его выслушать. В ответ на слова царя гуннов, грозившего ему смертью, тот сказал: «Не приличествует скифам (гуннам) требовать то, что они могут сами либо получать как дар, либо взять как трофей, это значит, что дары гунны получают, если примут его посольство, а трофеи добудут только если его убьют» (Priskos, fr. 18). Аттила не мог зайти так далеко и убить дерзкого Аполлония. Предводитель гуннов, чувствуя свое превосходство над Восточной Римской империей, злоупотреблял ее обычаем щедрого одаривания послов чужеземных народов. Он направлял в Константинополь одно посольство за другим по самым незначительным вопросам лишь с тем, чтобы греки осыпали его людей подарками: «Аттила выслал послов в Константинополь, требуя выдачи беглецов. Те же, приняв послов и преподнеся им многие дары, отправили их со словами, что у них нет никаких беглецов. Тогда Аттила направил новых послов. Когда же и те были щедро одарены, появилось третье посольство, а за ним и четвертое. Ибо варвар, рассчитывая на щедрость греков, которую те выказывали, опасаясь нарушить перемирие, направлял к ним своих приближенных, желая, чтобы им оказали благодеяния. Для этого он постоянно придумывал все новые и новые поводы и выискивал самые незначительные причины для посольств. Греки же исполняли каждое его повеление, считая приказом властителя то, о чем тот их просил» (Priskos, fr. 6). В свою

очередь, Атиллы также щедро одаривал присланных к нему послов. Он не остался в долгу за полученные дары ни перед Максимином, ни перед Анатолием и Номом. Греческие послы действительно не могли пожаловаться на недостаток гостеприимства у Атиллы и гуннов: им оказывали чрезвычайно теплый прием, приглашая на роскошные пиры.

Атиллу, несмотря на частые вспышки гнева, точно нельзя было назвать человеком, которым руководят эмоции. Шла подготовка к походу на запад, и потому, будучи заинтересованным в хороших отношениях с Константинополем, он согласился на мирные предложения греков, шел на уступки в деле побегов, выпустил из заключения Вигиланса, а Хризафия простил, удовлетворившись присланными от него деньгами<sup>33</sup>. Атиллы был искусным дипломатом. Все передвижения войска гуннов сопровождали акции дипломатического характера<sup>34</sup>. Он демонстрировал прекрасную осведомленность о ситуации в Восточной Римской империи. Он хорошо ориентировался в тонкостях отношений между императором Феодосием и предводителем изауров Зеноном (Priskos, fr. 12).

Несколько раньше, в 448 г. н. э., Атиллы потребовал от жителей Империи освободить полосу земли, тянущуюся по правому берегу Истра от Паннонии до фракийских Нов, шириной в пять дней пути. Таким образом он хотел лишить греков возможности осуществлять вербовку наемников среди придунайских варваров и тем самым ослабить византийскую армию. Вопреки ожиданиям Атиллы, этот шаг оказался спасительным для Восточной Римской империи, поскольку византийская армия смогла благодаря этому устоять перед варваризацией, приведшей к столь плачевным последствиям в западной половине Империи<sup>35</sup>.

Дипломатические способности Атиллы и его талант военачальника не позволили Римской империи выйти невредимой из борьбы с гуннами. Византийская армия и дипломатия выполнили свою функцию лишь в том смысле, что не допустили гуннов к стенам Константинополя, провинции же Восточной Римской империи были отданы на растерзание варварам.

---

<sup>33</sup> J. Kuranc, *Akcja dyplomatyczna Bizancjum...*, s. 68-69.

<sup>34</sup> . Dąbrowski, *Hunowie europejscy...*, s. 109.

<sup>35</sup> L. Piotrowicz, *Dzieje rzymskie...*, s. 859.

## Заключение

Гунны, как изображает их Приск, – это еще довольно примитивный народ, живший за счет войны и грабежей, которые составляли основной источник его несметных богатств. Гунны были обществом воинов, ценивших превыше всего доблесть и мужество, проявленные на войне. Война была для них не только средством к существованию, но также едва ли не смыслом жизни. Старые воины плакали, слушая песни о давно прошедших битвах, и горевали о том, что уже не смогут встать в строй.

Орды гуннов, дикие и неуправляемые во времена Аммиана Марцеллина, в середине V в. н. э. были не лишены черт четкой военной организации. Несмотря на то, что гунны оставили кочевой образ жизни, осев в городах и заведя дома, они по-прежнему были верны своим кочевническим обычаям, ибо, например, во время переговоров сидели на лошадях; конь считался у них самым почетным подарком. В этот период изменилось социальное устройство у гуннов, ибо власть, осуществляемая до сего времени несколькими племенными вождями, сосредоточилась в руках великого Аттилы. В то время, когда Приск посетил столицу гуннов (449 г. н. э.), Аттила находился на вершине своего могущества. Он заботился о своем престиже, неоднократно давая понять, что ни в чем не желает уступать римским императорам (Восточной и Западной Римской империи). Он надменно вел себя по отношению к иноземным посольствам и строил далеко идущие планы. Правление Аттилы было правлением сильной руки. Подданные испытывали по отношению к правителю безмерное почтение, переходящее в священный ужас. По утверждению Приска, «никто из народа не решился бы говорить с Аттилой, ибо всех парализовал страх». Разницу между гуннским и греко-римским обществами Приск усматривает в правовом аспекте: у гуннов не существовало гражданских прав, неизвестны им были и суды.

Жизнь в стране этих варваров, тем не менее, была не лишена своих положительных моментов. Похоже, что она протекала более свободно и естественно, чем в Римской империи, где люди страдали от бесконечных судебных процессов, несправедливых приговоров, мздоимства чиновников. Образ жизни гуннов привлекал встреченного случайно Приском греческого пленника из Виминация, поскольку, как утверждал

этот грек, после окончания войны гунны живут спокойно, без забот и хлопот, не доставляя друг другу неприятностей и обид. Взимая дань с соседних народов и жителей Восточной Римской империи, гунны могли позволить себе жить на широкую ногу: на пиру у Аттилы гости пьют вино из золотых и серебряных сосудов, слуги подают изысканные блюда на серебряных блюдах. Гуннская аристократия отличается особой любовью к золоту, привыкла к золотым украшениям в одежде, драгоценным камням и украшениям.

Для Приска разница между обычаями гуннов и других варварских народов не была слишком заметной. Ведь гунны представляли собой «мозаику народов», среди которых доминировала гуннская родовая аристократия (вероятно, тюркского происхождения). Во времена Аттилы правящая элита также была многонациональной по своему составу, ибо правитель подбирал своих приближенных и окружение по собственному усмотрению. Гуннская элита была подвержена внешним влияниям, главным образом греческому и римскому, что в значительной степени стало причиной смягчения нравов. Влияние греческой и римской культуры наиболее заметно в сфере дипломатии. Аттила устраивает аудиенции, подобные императорским; при его дворе действует канцелярия. Торжественный прием у короля гуннов происходит в соответствии с придворным церемониалом.

Приск и его друг Максимин многократно испытали на себе гостеприимство со стороны гуннов. Наш автор определяет их как людей легких в общении. Разница, заметная между свидетельствами Приска и преданием Марцеллина, которое старше их на 80 лет, объясняется тем, что гунны после нескольких десятков лет пребывания в Европе стали гораздо более цивилизованными, и пропасть, отделявшая некогда жителей Европы от гуннов, начала постепенно исчезать.

С польского перевела О. Остапчук  
(перевод неавторизованный)